

Для многих россиян зажигательная и по-детски не-посредственная Верка Сердючка стала сегодня таким же символом современной Украины, как горилка, сало и наваристый борщ. Но колоритная фактурная драма — это одно. А актер Андрей Данилко — совсем другое. Многие искренне удивляются, узнав, что эта звезда эстрады вне сцены очень скромный, рассудительный и хорошо воспитанный молодой человек, напрочь лишенный звездной спеси. В интервью обозревателю «Известий» Анне АМЕЛЬКИНОЙ Андрей ДАНИЛКО рассказывает о тяготах жизни эстрадной звезды.

Андрей любит серьезные книги и хорошие фильмы известных режиссеров. Не любит, когда его сотовые раз спрашивают, из чего сделан пышный бюст Верки Сердючки, откуда взялась сама фамилия ее неугомонной героини, и теряется, когда еле спрашивают, выйдет ли когда-нибудь Сердючка замуж. Автографом заявляет: день рождения Верки Сердючки 8 марта, а не 1 апреля. И — точка.

«Я не баловень судьбы!»

— Андрей, как-то ты сказал, что тебя в России знают мало. А чего такого о тебе здесь не знают?

— Например, многие до недавних пор не знали, что Сердючка — певица. Кто-то ограничивает мое творчество только «рамками» Сердючки, а когда приходит ко мне на концерт, с удивлением узнает, что Сердючка — далеко не все, на что я способен. Есть у меня и серьезные монологи, на которых люди могут заплакать не от смеха, а от грусти, например. Многие не знают, что на Украине многие меня не любят, что я не такой баловень судьбы, как это может показаться на первый взгляд.

Раньше, еще будучи ведущим известного «СВ-шоу», Андрей уверял, что большинство поповых звезд — существа ненастуральные. Сейчас Данилко — сам звезда. Он выходит из одного подъезда гостиницы «Россия», садится в пафосный серебристый «Мерседес» и... доезжает в нем ровно до соседнего подъезда, сопровождаемый свитой из охранников, директоров и мальчиков-девочек в черных одеждах с надписью «Театр Данилко» на спине. Естественно, поп-небосклон стал для него ближе и понятнее:

«Что такое, по-твоему, настоящая звезда?»

— Это человек, который может сделать то, что не умеют другие. У которого есть свой почерк. И этим отличается. Вот посмотрите, сколько у нас сейчас на эстраде развелось всяких групп! Этих девочек в лицо запомнил нельзя. То, что они поют, не поддается пониманию нормального человека. А их почему-то зовут звездами. Звезда не тот, на кого билеты дорогие, а тот, на кого люди идут.

«А ты — звезда?»

— Не знаю. Но залы у меня полные... даже при таких дорожных билетах, как в Москве.

...Может, конечно, Андрей из скромности своей звездностью не бравирует. Зато это с усердием подчеркивает его близкое окружение. «Сегодня Андрей интерес не дает! Он не любит вопросов о семье! Он не фотографируется! Мы отказали вдвдаткам газетам и тридцати журналам!» — звучит в твердом его директора-администратора. Образ кипризной звезды, нарочито (и непонятно для чего) создаваемый ими, рассыпается мгновенно при встрече с самим актером. У Данилко, как у всех великих лицеедов, грустные глаза. Очевидно, часы и цепи дни, проведенные на сцене в захватывающих пластиках, достаются ему весьма тяжелым трудом. Встреча этого хрупкого молодого человека на улице, фанатики вряд ли бы признали в нем разбитную Сердючку. Андрей и рад: хоть когда-то Верка должна жить своей жизнью, а он — своей. Для меня так и осталась загадкой, как этот спокойный парень может изображать на сцене даму столь ураганного темперамента.

Отработать концерт на Украине — все равно что кровь сдать

— Где тебе труднее работаетс: здесь или на Украине?

— В Киеве. Там многие зрители относятся ко мне с ревностью. Им казалось, что это нереально — сломать стену в России. Одно дело — быть популярным на Украине. Совсем другое — стать популярным здесь. Поэтому ревнуют. На концертах в Киеве я чувствую себя очень неуютно, дискомфортно: Первые ряды смотрят на тебя как на девочку, вызванную на педсовет. В глазах у них: «Ну-ну, ты покоряешь перед нами, бисер помечай, а мы посмотрим, хлопать тебе или нет!» Это уже не концерт, а сдача крови на натуральную.

«А как к своему творчеству относятся украинские националисты?»

— Они меня ненавидят. За то, очевидно, что перед «москальями» выступаю и популяризую здесь. Недавно они прямо перед концертом устроили митинг против Сердючки. Во Львове даже листовки «антидиктаторского» содержания напечатали. Оскорбить старались. Дешевый прием! А недавно на нашем телевидении даже передачу организовали на тему: «Сердючка — позор Украины или ее гордость?» У этой программы рейтинг зашкаливал. Вся Украина к телевизорам присматривалась.

«И какому выводу пришли общественность?»

— Один патриотичный мастер разговорного жанра осуждал меня за то, что я говорю на суржике (смесь украинского и русского языков). — «Известия». Других аргументов «против» не нашлось. Так что на遁了, что я уж точно — позор. Поэтому на Украине я стараюсь выступать меньше. Не хочется быть все время в роли экзаменируемого мальчишки.

Лже-Сердючки как нарушители конвенции

— Андрей, я не без удивления узнала, что на Украине полно псевдо-Сердючек, которые, эксплуатируя светский образ Верки, зарабатывают немалые деньги. Получается, что тебе довольно легко повторить?

— Проплыть хрюльским голосом под гитару — не значит стать Высоцким. Нести пошлию со сцены в женском платье — не значит стать Сердючкой. На рынке продаются джинсы, очень похожие на Версаче. Но это не Версаче. Видел я пару раз этих «Сердючек». Эти люди нечувствуют меры, неправильно трактуют образ Сердючки. Мне хотелось подойти и чем-то тяжелым бахнуть им по голове. С одним таким деятелем я сужусь. Потому что он просто меня позорит. Он так сжился с образом Сердючки, что ходит, ряженый, по улицам. Разговаривает ее голосом, интервью раздает. Были неприятные случаи, когда мне приходилось оправдываться за эту самодовольность перед уважаемыми людьми. Однажды меня представляли президенту одного банка. Я протягиваю ему руку, а он отворачивается: «Помнишь помнишь нас. Вы у нас на вечеринке выступали... Танцевали на столе!» Показал мне фотографию: текла какая-то на столе плющ... с неубранными ногами. Всем хочется на Сердючке заработать, а виноват получается я. Чего только я Сердючке не узнал: что на сцене она матерится, и что поет кое-как. Своей репутацией я дорожу. Сердючиной, кстати, тоже... Поэтому приходится судиться. Моя Сердючка идет по грани, по лезвию бритвы. Чуть отклонился — уже впал в пошлость. Настоящая Сердючка милая, чуть сумасшедшая. И вообще... она — собака.

«Это как?»

— В хорошем смысле. Когда собака на сцене, на нее нельзя смотреть. Ее действия нельзя предсказать. Так и с Сердючкой. И я сам не могу часто предсказать, что с ней будет в следующий момент.

«Юмор ниже пояса меня не интересует»

— В любом случае Сердючка — это не сексуальный образ. Это карнавал, праздник. А откуда ты так хорошо знаешь женщин, их повадки, реакции?

— Работа над Сердючкой не имеет к знанию женщин никакого отношения. Сердючка — позитивный характер. Это для меня главное. Ее образ должен культурировать в людях оптимизм. Кто-то, возможно, назовет такую работу легким жанром. А вот вы пойдете и сделаете, посмотрим, как у вас получится. Вот я только что смотрел, как в телевизоре Артемий Троицкий юмористом Владимиром Вишневским о юморе беседовали. Вяло беседовали. Всех ругали. Я с трепетом ждал, когда до меня доберется. Но — обошлось. Общая тема разговора: с юмором у нас все плохо. Ну как можно вообще юмор обсуждать? Его делать надо, а не теории вокруг разводить.

«А ты над каким юмором смеешься?»

— Над «Аншлагом»...

— ???

— Я буквально ржу над глупостью этой передачи, тупизной ее реприз. Я ржу над тем, как сами участники «Аншлага» друг друга подхваливают, и каждый считает себя гением. Юмор ниже пояса меня не интересует.

— Ты знаешь, что твои поклонники открывают сайты о тебе в интернете, тексты твои печатают?

— Мне это не очень нравится. Мои тексты читать неинтересно. Их нужно слушать. Тут многое держится на интонации.

— С кем бы ты хотел выступить дуэтом? Дуэты нынче в моде...

— Я бы с удовольствием поработал с Гальцевым. Он очень смешной. И в «Городке» мы съездил к Стоянову и Олейникову.

Гонорар за концерт — канюстра бензина

Жизнь Андрея — хрестоматийный пример превращения Золушки в принцессу. Жил-был в Полтаве простой мальчишка из не очень состоятельной, и тем более не очень благополучной, семьи. Была коммунальная квартира, тара��аны на кухне, разбитые соседки, любившие по праздникам весело и грому гульну. Первая попытка поступить в музыкальное училище окончилась провалом... Как, впрочем, и вторая. Диплом продавала продовольственных товаров, и наконец цирковые училища, которое замкнуто мальчику Данилко закончить было не судило. А потом — оглушительный успех. Сначала в Полтаве, потом в Киеве.

— Тебя действительно никто не раскручивал, не помогал?

— Кто. Были в моей жизни не очень светлые дни, когда выступать приходилось за грязи. С концертов бутерброды ребятам приносил. Один раз за концерт мне канюстра бензина дали. Я не знал, куда ее деть, в ту пору о машине я и мечтать не смел, кроме велосипеда у меня другого транспорта не было. А вообще мне просто повезло: в обществе появилась потребность в таком живом, неподсчитанным персонаже, травести. Я его придумал. Просто попал в строку.

— А как ты относишься к разговорам о некой Сердючине «капюбине»?

— Я к этому привык и внимания уже не обращаю. Хотя... вот странно: в свое время блестали на сцене два забавных персонажа — Маврикевич и Никитична. И никому в голову не приходило обинять известных актеров в педерастии или называть их трансвеститами.

«Сердючка не помрэ»

— Как ты переживал свою популярность?

— Тяжело. Когда я еще жил в общежитии, концерты у меня были по несколько раз в день, как киносеансы. Я выходил на сцену, а в зале уходил дикий ор. Я пять минут выступление начинать не мог. В ту пору длительное время находился в состоянии испуга. Особенно холода душу, когда толпа словно снежная лавина, начинавшая катиться на меня с трибун. Охранников тогда еще не было. Приходилось спасаться бегством. Каже-то сумасшедшие тетки!

— Как думашь, сколько лет Сердючка еще продержится на сцене?

— «Великие» украинские юмористы пророчат ей смерть каждые два года. Прогнозы не сбываются. Они злятся. Сердючка не помрэ, пока она мне будет интересна, пока я могу ее развивать. А ресурс у нее есть. Она, например, может петь с симфоническим оркестром, в большом театре, исполнять тяжелый рок. Скажете, абсурд? А почему бы не попробовать? Сердючке всего четырнадцать лет. Детский возраст. Вот, например, не давни менеджеры меня предсторегали: пускай Сердючка делает, что хочет, только не поет. Я отрезал: «Раба берусь сам!» В результате получился самый продаваемый в стране альбом.

— Какую страну ты имеешь в виду?

— Нашу. Советский Союз.

— Чего боишься больше всего?

— Боясь недостои. Не хочу, чтобы Сердючка «сидела» на каждой кнопке телевизионного пульта. Мало того что пираты ее растиражировали, что из каждого десяти кассет одна — «законная». Если бы с каждой пиратской кассеты я получал бы центов пять, мог бы уже до конца своей жизни не работать.

«Я вынес испытание медными трубами»

— За что тебя выгнали из циркового училища?

— Я сам оттуда ушел! В этом училище невозможно было находиться по одной простой причине: там учили бредятины. Их весьма устаревшая теория расходилась с моей практикой. Я спорил с преподавателями, говорил: вы неправду говорите, сейчас ТАК не играют. Это вызывало их справедливое возмущение. Но, несмотря ни на что, я это училище люблю, а оно меня — нет. Когда я в последний раз там выступал, ребята, студенты, смотрели на меня с не теплотой, а с завистью.

— А ты был хил на это...

— Легко сказать. Не получается. Я, конечно, всем и каждому могу сказать: мне, мол, это до лампочки. Но это будет неправдой. Я даже на всякие гнусные статьи о себе закрыть глаза не могу. Обязательно прочту и обязательно расстроюсь.

— Это правда, что твой близкий... не был в восторге от образа Сердючки?

— Господи! Чего только про меня не выдумывают! Не все. Например, мама и сестра к Сердючке относятся сносно. Особенно их мнение о ней изменилось, когда Сердючка стала приносить доход. Но есть и другие близкие, которых тяжело перенести мою популярность. Многие перестали звонить, хотя я их ничем не обижал. Может, это и лучше. Люди проверяются не только бедой, но и медными трубами. Я это испытание вынес.

— А часто ты бываешь в Полтаве, на своей родине?

— Уж лет пять не был. И не тянет. Не любят там меня. Смотрят зло, завидуют. Я не люблю ходить там по улицам: боюсь встретить одноклассников. Все они какие-то постаревшие, неустроенные, успели ли по разу жениться, развестись. В нашей стране не умеют радоваться чужому успеху. Я к этому трепетно отношусь. Был со мной случай. Пришло мне приехать в Полтаву на похороны своего товарища. Представляете, что такое украинское застолье? Но я все время был там как под прицелом, меня словно рентгеном просвечивали изучающие такие взгляды. Я, сколько ни пил, опьянеть не мог, настолько был в напряжении. И «отрубился», когда уж сел в машину. Вслед бросили: «Вот какой кругой, на машине приехал!» А на чем, спрашивается, я должен был приехать? На велосипеде? Оправдываться перед земляками не хочу. Да и не в чем. Поэтому скоро в Полтаве не появлюсь.

Быть шутом — дело ответственное...

— Для какого зрителя ты работаешь? В жизни ты один, на сцене — совсем другой. Может, ты недооцениваешь своего зрителя?

— Зрители своих я люблю. Все они делятся на две категории: те, кто любит Сердючку, и те, кто скрывает свою любовь. Мои зрители — это такой семейный коллектив, те, кто чувствует жизнь, как чувствую ее я...

Можно, конечно, долго рассуждать о попсости и некой маргинальности образа Сердючки. Но... против фактов не попрешь. Обычно самые крутые наши звезды, высступая в Америке, в каждом крупном городе дают по три концерта. В зале «Миллениум» в Нью-Йорке вместо двух обычных концертов Данилко дал шесть. На каждом — аншлаг. Говорят, узнав о таком Данилкином успехе, один известный поп-авторитет буквально рвал на себе волосы, называя Сердючку «хочяцкой мордой». Ну не везет в последнее время бедной Сердючке: на Украине ей достается за излишнюю пророссийскоть, в России — за украинскую проворност.

— При дворах шутам прощается многое. Как к тебе относятся киевские вельможи?

— Шутовскую возможность указать им на их «проколов» я использовала всегда. За это однажды удостоился титула «дядотская Сердючка». Но чиновники тоже разные бывают. Есть такие, которые просто по статусу не положено меня любить. Верх их притязаний — кир «Калина». Они будут сидеть в первых рядах, хлопать, мирно спать, падая с кресел.

— Часто к тебе обычные обездоленные граждане обращаются за помощью. Я знаю, ты помог одному спортсмену, дал денег на операцию...

— Только об этом писать не надо. Интересен другой случай. Получаю письма от одной несчастной гражданки. Просит на лечение три тысячи гривен. Я так проникся эти криком души, что просил своих сотрудников проверить, так ли у нее все на самом деле плохо. Оказалось, что это — весьма обеспеченная дама. Работает в киевском главпочтамте, а деньги просит у всех знакомостей. Просто так. Из спортивного интереса...

— Откуда у тебя, жителя украин